

Институт вулканологии для участия в съемке документального фильма о Долине гейзеров, который снимали Владимир Иванченко и Сергей Верченко.

В апреле 1988 г. я получил из Москвы письмо от Татьяны Ивановны. «После смерти мужа улетаю в Канаду, где живет дочь Татьяна с семьей. Вряд ли когда придется снова побывать на Камчатке. Но меня утешает то, что буду жить поближе к ней, хотя и по ту сторону Тихого океана». Татьяна Ивановна вела переписку со своими друзьями на Камчатке. В одном из писем она сообщила, что побывала в Йеллоустонском национальном парке США, в Клубе любителей гейзеров выступила с рассказом о камчатских гейзерах. В октябре 1997 г. я получил от нее новое письмо. «Здравствуйте, Михаил Яковлевич! Узнав, что в Петропавловске издается краеведческий журнал, в редколлегии которого вы состоите, я хотела бы там поместить небольшую заметку, которую прилагаю. Не имея возможности пользоваться геологической литературой о Камчатке, я не могу подтвердить свои предположения, но мне все же хотелось бы их высказать. Буду вам признательна, если вы поможете мне в этом. С уважением Т. Устинова». Статья «Близнецы по обе стороны океана?» была опубликована в журнале «Неизвестная Камчатка» (№ 3, 1997 г.). В ней шла речь о различии и сходстве гейзеров Камчатки и Северной Америки, а также кальдеры Узон и Кратерного озера в штате Орегон.

В 1999 г. Т. У. Устинова с дочерью Галиной прилетели на Камчатку по приглашению руководителя авиационно-туристической компании «Кречет» А. Г. Коваленкова. Мне посчастливилось вместе с ними побывать в Долине гейзеров, кальдере Узон, на Кроноцком озере. Татьяна Ивановна не расставалась с записной книжкой, ее интересовали изменения в режиме гейзеров более чем за полвека. Во время поездки ей было вручено удостоверение о присвоении ее имени перевалу между вулканами Дзензур и Жупаново на высотах между 1 468 и 1 686 м.

Татьяна Ивановна Устинова ушла из жизни на 96-м году жизни 4 сентября 2009 г. Прах исследовательницы, совершившей крупное географическое открытие, захоронен по ее завещанию в Долине гейзеров 5 августа 2010 г. К уникальному памятнику природы, каким являются гейзеры, в заповедном уголке полуострова прибавился исторический памятник.

1. Устинова Т. И. Камчатские гейзеры. М. : Географгиз, 1955. 120 с.
2. Устинова Т. И. Надежный товарищ и полевой работник без фасонов // Новая Камчатская правда. 2003. 30 окт.; 6, 13 нояб.
3. Татьяна Устинова. Воспоминания. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. 128 с.
4. Жилин М. Я. Тропа к гейзерам // Норд-ост. 1984. С. 109–131.
5. Жилин М. Я. Тропа к гейзерам // Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 12. Хабаровск, 1989. С. 162–187.
6. Жилин М. Я. Первопроходцы. Тропа к гейзерам // Тобольск и вся Сибирь. Камчатка. Альманах. Кн. XII. 2010. С. 108–133.
7. Жилин М. Я. Как были открыты камчатские гейзеры // «Знать свое Отечество во всех его пределах...» : тез. XVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 61–63.
8. Жилин М. Я. Долина гейзеров приняла свою первооткрывательницу // Вопросы географии Камчатки. 2011. Вып. 13. С. 136–138.
9. Шпиленок И. П. Долина гейзеров : Фотоальбом / предисл. Т. Устиновой. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2009. 113 с.
10. Аверин Ю. В. Наземные позвоночные Восточной Камчатки // Тр. Кроноцкого гос. заповедника. Вып. 1. 1948. 223 с.

В. А. Ильина ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ КАМЧАТКИ В КОНЦЕ 1920–1930-х гг.: ЦЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

К изучению территории Камчатки российские ученые приступили еще в дореволюционное время. Исследования велись объединенными усилиями Российской Академии наук, представителями Военного министерства, Военно-Морского флота и Русским географическим обществом, но накопление информации шло крайне неравномерно.

Начавшееся с середины 1920-х гг. хозяйственное освоение территории Охотско-Камчатского края потребовало скорейшей разведки природных ресурсов, определения условий их промышленной эксплуатации, выявления специфики традиционных отраслей северного хозяйства. Успеш-

ное выполнение этих планов напрямую зависело от продолжения ранее начатых исследований и организации новых.

В изучении территории Камчатки с конца 1920–1930-х гг. можно выделить два этапа. Первый – собственно «аковский» (1928–1933 гг.), в котором непосредственным организатором научно-исследовательских работ в крае выступало Акционерное Камчатское общество (АКО). На втором этапе (1934–1939 гг.) научное изучение края было передано Академии наук СССР. АКО, утратив роль непосредственного организатора исследований, не устранялось из этого процесса. В его ведении сохранялись проведение промыслово-ихтиологических работ. Общество осуществляло финансовую и техническую поддержку экспедиций, работавших на Камчатке.

Рассмотрим содержание этапов. Главным направлением в исследованиях 1928–1930 гг. стали геологические разведочные работы. Основной целью этих изысканий была разведка полезных ископаемых: золота, свинцовых руд, угля, слюды, графита, соли и др. (3). Но приоритетными были золоторазведки. На их проведение в 1928–1930 гг. были направлены значительные средства в 1 млн 211 тыс. рублей, что составило 83 % от всех затрат АКО на общие геологические работы в крае. Для исследования территории Охотско-Камчатского края Научно-исследовательский сектор АКО привлек значительные силы. Изучением ресурсного потенциала территории занимались Дальневосточное районное геологоразведочное управление (ДВ РГРУ), Геолого-разведочный нефтяной институт Союзнефти, Институт торфа ВАСХНИЛ, Союззолото, Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (ДВКНИИ), Государственный Дальневосточный университет (ГДУ) и др.

Геолого-поисковые изыскания в районах Анадыря, Чукотки, северных районах Камчатки позволили установить наличие рудного и россыпного золота, но имеющиеся запасы были недостаточны для промышленной разработки. В то же самое время результаты работ Первой и Второй Колымских экспедиций в 1928–1930 гг. под руководством Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского позволили сделать заключение о наличии значительной золотоносной зоны в Колымском районе. В 1931 г. для освоения найденных месторождений золота в верховьях Колымы правительством создается трест «Дальстрой». Поэтому после 1931 г. было прекращено финансирование работ АКО по золоторазведке, но общее геологическое обследование территории продолжалось. Поисковая партия под руководством инженера И. А. Преображенского, проведя в зал. Корфа топографическую и геологическую съемки, определила значительную площадь угленосных отложений в 170 км². В 1932–1933 гг. вторая корфская геологоразведочная экспедиция Дальгеолтреста, руководимая М. Е. Магазовым, провела бурение и определила условия эксплуатации месторождения. Эти исследования позволили АКО приступить к промышленной добыче корфского угля и успешнее решать топливную проблему для судов Акционерного общества. Были найдены значительные запасы бурого угля в Анадыре.

В 1930 г. Союзнефть организует большую экспедицию по поиску нефти на Камчатке. Экспедиция исследовала обширный район по восточному побережью полуострова площадью около 6 000 км². от п-ва Кроноцкого на юге до м. Столбового на севере. Богачевско-Чажминской геолого-поисковой разведочной партией этой экспедиции была подтверждена нефтеносность территории у р. Богачевки. В 1931 г. на средства АКО и Союзнефти была организована новая экспедиция в составе трех партий по исследованию нефтеносности западного побережья Камчатки. Но в обследованных районах выходов нефти обнаружено не было. В 1929–1930-х гг. были открыты значительные массивы торфа на западном и восточном побережьях Камчатки.

Отдаленность центральных научных учреждений от Камчатки существенно осложняла проведение маршрутных геологических исследований. На Камчатку экспедиции из центра добирались за 3,5–4 месяца. Большую часть времени проводили в пути, в ожиданиях транспорта. Из-за этого значительно сокращался период полевых работ. Так, Богачевская партия нефтяной экспедиции из Ленинграда выехала в начале мая 1931 г. В Петропавловск прибыли 26 июня. Но в бух. Ольгу (Кроноцкий район) смогли выехать только 6 августа, после 1,5-месячного ожидания в Петропавловске (4). На местах работы 2–3 недели уходило на поиск лошадей и проводников. Как сообщали начальники экспедиций, «...цены на конский обоз, существующие на Камчатке за последние три года, далеко превышают всякие сметные предположения» (4, л. 21). Необходимо отметить, что все экспедиции доставляли разнообразный дополнительный материал большой научной ценности. Составлялись карты для совершенно не изученных пространств, проводились многочисленные геоморфологические наблюдения, попутно собирались сведения по зоологии и ботанике. Все это представляло значительный вклад в общий процесс изучения ресурсного потенциала полуострова.

С 1926 г. начинает свою деятельность по стационарному изучению биологии лососевых,

нелососевых, крабов, морских млекопитающих и морских водорослей в водах Охотско-Камчатского края Тихоокеанский институт рыбного хозяйства (ТИРХ). Экспедиция под руководством С. Ю. Фреймана, работавшая в 1929 г. на побережье Охотского моря, изучила видовой состав морских млекопитающих, заложила наблюдательные пункты на побережье для определения более точных данных по биологии ластоногих. С 1929 г. начались рыболовческие исследования на нерестилищах рр. Озерной, Большой, Камчатки. Несмотря на молодость ТИРХа, незначительность собранного материала в 1926–1929 гг., сотрудники института смогли выявить периодичность в колебаниях подходов лососевых для рек Камчатки и прогнозировать размеры уловов на следующий промысловый год. Но в начавшейся работе было немало трудностей. Так, ихтиолог В. И. Скобунов, работавший в зал. Корфа на восточном побережье Камчатки в 1929 г., сообщал в своем отчете: «Управляющий Потапов не считал нужной мою работу: научные работники, по мнению Потапова – “бездельщина” и всех профессоров... командируемых научно-промысловой станцией на краболов, где был управляющим Потапов... ругал матом, пуская их по восходящей и нисходящей лестнице матерщины. ...Искусственно затягивал изготовление необходимого оборудования, запрещал выходить в море, не давал катера, горючего, срывал систематически измерения. Было много других диких, непросвещенных выпадов, насмешек и издевательств по отношению к моей работе. Вот такая неожиданная обстановка вышибала весь план работы, с моего двадцатилетнего стажа и упорного любимого труда. Я впервые в своей жизни встретился с таким грубым, некультурным отношением не только к моей работе, но и ко всему производству» (5).

К 1932 г. наблюдательные пункты были объединены, и на этой основе было создано стационарное Камчатское отделение ТИРХа – КОТИРХ. Директором отделения стал В. В. Заостровский, а его заместителем М. А. Фортунатов. Свои отчеты КОТИРХ предоставлял в управление АКО. Систематизируя и обобщая полученные данные, работники института выделили «узкие места» молодой камчатской рыбной промышленности и определили комплекс мер научного, организационного, технического и технологического порядков, призванных изменить сложившееся положение.

Следующим направлением в изучении ресурсов Камчатки стали лесозыскательские экспедиции. В 1928 г. под руководством профессора Дальневосточного государственного университета В. Ф. Овсянникова были исследованы леса в долине р. Камчатки и р. Анадырь. В ходе работ была вычислена общая площадь лесов и обнаружены значительные массивы строительной древесины. Исследования выявили возможность организации в бас. рр. Камчатки и Анадыря предприятий лесной промышленности, деятельность которых должна была полностью удовлетворить внутренний спрос на древесину и освободить край от дорогого завоза строительного материала из Владивостока и Японии (6). При отсутствии собственной лесопереработки ежегодно на Камчатку только из Японии завозилось строительного леса на сумму около 1 млн иен. В. Ф. Овсянников в своем отчете приводит следующие расчеты: привезенное с материка бревно обходится на Камчатке в 20–25 руб., заготовленное в долине р. Камчатки будет стоить 6 руб. 68 коп. В 1930–1932 гг. исследование лесосырьевой базы полуострова было продолжено. Геоботаниками Г. И. Каревым, И. В. Жировым, Ф. П. Коваленко была впервые начата научная разработка вопросов лесной типологии. Все установленные ими лесные ассоциации и типы лесов применяются учеными в современных исследованиях (22). В 1920-х гг. продолжалась обработка ботанических коллекций, собранных еще экспедицией Ф. П. Рябушинского. В результате была опубликована фундаментальная работа В. Л. Комарова в трех томах «Флора полуострова Камчатки», в которой обобщены все накопившиеся к тому времени обширные флористические материалы (19).

Выполнение промышленных программ упиралось в наиболее сложную проблему – малонаселенность региона. Поэтому уже с 1928 г. государство приступает к организации промышленного переселения на Дальний Восток. На АКО возлагалось за 1930–1933 гг. переселить в Охотско-Камчатский край 35 000 человек (7). Для подготовки к приему переселенцев и закрепления приехавших необходимо было провести соответствующие исследования. И уже в 1928 г. АКО совместно с Дальневосточным Районным Переселенческим Управлением была организована экспедиция в составе двух отрядов – почвенно-агрономического и экономического под общим руководством профессора А. А. Красюка. Целью экспедиции являлось: «Выявление современного экономического состояния Камчатки, определение условий, средств, необходимых для ее промышленного подъема, вычисление колониальной емкости трех южных камчатских районов Усть-Камчатского, Усть-Большерецкого, Петропавловского» (8). В ходе этих изысканий была обоснована сама возможность организации переселения в эти районы и определены наиболее оптимальные виды хозяйственной деятельности будущих колонистов. В выводах участников экспедиции учитывалось наличие уже

сформировавшегося старожильского населения, природные, экономические особенности данных территорий. Экспедиция определила количество необходимых переселенцев, сроки переселения, предпочтительные профессиональные навыки приезжающих, просчитала амортизационные расходы на обустройство (8, л. 72–80). В дальнейшем, в 1929–1931 гг., колониационные обследования по районам восточного и западного побережий были продолжены (9).

Обилие направлений научных исследований, возложенных на АКО, незначительность имеющихся научных кадров на Камчатке, удаленность центральных научных учреждений, долгие сроки сборов и доставки научных экспедиций на полуостров привели к идее организации Института исследований Охотско-Камчатского края (ИИОКК). А постановление СНК СССР от 7.08.1928 г. «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности» выступало в этом деле надежным правовым основанием (25). Для окончательного решения этого вопроса в мае 1930 г. в Москву и Ленинград был командирован член коллегии Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, научный консультант НИС АКО профессор В. И. Огородников (1886–1938). В 1906 г. он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. После завершения обучения в 1910 г. был оставлен работать на кафедре русской истории. В октябре 1918 г. стал профессором Казанского университета. С 1919 по 1920 г. состоял в должности управляющего Центральным архивом Восточной Сибири. В конце 1922 г. был назначен уполномоченным Дальревкома по Дальневосточному отделу народного образования. Принимал непосредственное участие в организации в 1923 г. Государственного Дальневосточного университета. Был его первым ректором. Работал в Дальневосточном краевом научно-исследовательском институте в г. Хабаровске. С 1930–1933 г. возглавлял НИС АКО. Был арестован 5.05.1933 г. по делу «Автономная Камчатка». Осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в лагере в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. (23).

В течение двух месяцев, с мая по август 1930 г., Владимир Иванович Огородников добросовестно выполнял поручение. Идею создания института В. И. Огородников горячо отстаивал в Госплане СССР, Академии наук, Комитете по делам Камчатки и Сахалина, находя поддержку и взаимопонимание. В итоге было принято решение о его создании. Большой личной заслугой В. И. Огородникова стало комплектование и отправка на Камчатку для будущего института научной библиотеки в 35 000 единиц (21).

Однако ИИОКК не суждено было родиться. Правительство, принципиально признавшее необходимость создания института в 1930 г., не отпустило средств на его организацию. А с 1931 г. вообще прекратило финансирование научных работ в крае (16). В 1930 г. НИС составил план научно-исследовательских работ в крае, определив финансирование в сумме 6 823 000 руб. Далькрайплан сократил эту цифру расходов более чем в три раза, оставив 2 000 000 руб. с отнесением этой суммы по бюджету АКО. Госплан утвердил 300 000 руб. и передал эти деньги не АКО, а формирующемуся Дальневосточному отделению Академии наук СССР. В этой ситуации последовавшее предложение от Всесоюзного Арктического института (ВАИ) о создании на Камчатке своего отделения восприняли в АКО положительно. И в 1932 г. Камчатское отделение Всесоюзного Арктического института – КО ВАИ было открыто (18). Прибывший в Петропавловск в октябре 1932 г., после успешного исторического рейса ледокола «Сибиряков» и парохода «Совет» по морям Северного Ледовитого океана, О. Ю. Шмидт – директор ВАИ, провел в Петропавловске несколько заседаний Камчатского отделения Арктического института. Было утверждено «Положение о КОВАИ», как о координирующем центре научно-исследовательских работ, составлен план и смета на 1933 г. В состав КОВАИ вошли все существовавшие на Камчатке научно-исследовательские учреждения: станции гидрометеорологической и гидрометрической сети, база Дальгеолтреста, отделение ТИРХа, морская станция, НИС АКО. Экспедиция Арктического института оставила на Камчатке научное оборудование для гидрохимической лаборатории, биологических и полевых геологических исследований. Заместителем директора КО ВАИ был назначен В. И. Огородников.

Но и это отделение не стало первым полноценным научным стационарным центром на Камчатке. Этому помешало несколько причин. Одной из них были аресты в среде научной интеллигенции Дальнего Востока. Как отмечает исследователь этой темы Е. В. Васильева, политические процессы проходили на Дальнем Востоке в 1931–1933 гг. с небольшим отставанием, но в той же последовательности, что и в центре страны (2). В Дальплане были арестованы сотрудники, связанные с Госпланом, во главе с Л. В. Крыловым, руководившим Бюро по изучению производительных сил Дальневосточного края. В Дальгеолком, вслед за ленинградскими коллегами, в прошлом работавшими на Дальнем Востоке и имевшими отношение к Геолкому, П. В. Витенбургом, А. Н. Криштофо-

вичем и П. И. Полевым были арестованы В. В. Бух, А. И. Ланцевич, М. А. Павлов, Т. С. Трухин. По делу Главрыбы проходили ведущие ученые Тихоокеанского института рыбного хозяйства А. Н. Державин, И. Г. Закс, М. Л. Пятаков, М. П. Сомов, М. А. Фортунатов. В 1931 г. был арестован директор ДВК НИИ биолог В. М. Савич. Владимир Иванович Огородников был арестован в мае 1933 г. и осужден вместе с В. М. Савичем 29.04.1934 г. тройкой Полномочного представительства ОГПУ ДВК по ст. 58 – п.п. 6, 7, 11 на 10 лет. И без того немногочисленное сообщество дальневосточных ученых после арестов и репрессий сократилось.

Второй причиной стал постепенный отказ государства от идеи и практики массового создания на периферии научных учреждений. Уже в начале 1930-х гг. выявилось, что погоня за количеством не дает желаемого результата (24). Отсутствие необходимой «критической массы» действительно квалифицированных специалистов, привлечение малообразованных людей с производства в науку, в сочетании с необъятностью принимаемых планов научной деятельности приводило к появлению недееспособных коллективов. Открытый в 1932 г. Дальневосточный филиал с большими трудностями становился «на ноги» и приступил к работе только в 1935 г. (1). Поэтому с середины 1930-х гг. на смену бурному росту числа научно-исследовательских учреждений пришла политика так называемого упорядочивания. Ее выражением стало не только начавшееся сокращение количества научно-исследовательских институтов, но и серьезная корректировка региональных аспектов научной политики. Государство стало вкладывать значительные средства в развитие академической науки, что свидетельствовало о целенаправленности и, как оказалось, дальновидности политики укрепления базы фундаментальных исследований в предвоенные годы.

С организацией Дальневосточного филиала Академии наук СССР (ДВФАН) в 1932 г. начинается второй важный этап в изучении Камчатки в форме комплексных научных экспедиций. Исследования в 1934–1939 гг. охватили огромную территорию Западной, Северной и Восточной Камчатки, но главное внимание было уделено центральному малоисследованному району. Отряды комплексной экспедиции АН СССР в 1934–1937 гг. осуществили серию маршрутных пересечений полуострова, изучили его геологическое строение, продолжив работы предшествующих лет. Сотрудники экспедиции А. В. Щербаков, Д. С. Харкевич, Н. Д. Соболев, В. Д. Троицкий, Б. И. Пийп и др. составили геологические карты Камчатки, определили перспективы в отношении добычи полезных ископаемых.

Одновременно с Академией наук геологические исследования на Камчатке проводили и другие организации, а именно Нефтяной геологоразведочный институт (НГРИ), Всесоюзный экспедиционный комитет, Дальстрой. Так партии НГРИ, возглавляемые геологами Л. А. Гречишкиным, М. Ф. Двали продолжали работы на западном побережье с целью уточнения месторождений нефти. Экспедиция Всесоюзного экспедиционного комитета в составе двух групп – гидрологической и угольной провела работы по исследованию минеральных источников: Паратунских, Начикинских, Банных, Малкинских.

В условиях интенсивного освоения складывающаяся специализация основных районов Камчатки (рыбная промышленность, сельское хозяйство, угледобыча, лесозаготовка и лесопереработка) начинает определять новую схему внутренних транспортных линий. В 1935 г. был составлен проект автомобильной дороги Петропавловск – Большерецк, которая должна была связать восточное и западное побережья Камчатки, превратившись в осевую линию хозяйственного развития южной части полуострова. В 1936 г. четыре отряда Камчатской комплексной экспедиции Народного Комиссариата Пищевой Промышленности СССР производили дорожно-изыскательные работы по определению транспортной линии, соединяющей рыбозаводы западного побережья с основной шоссейной магистралью Петропавловск – Большерецк. В ходе изысканий был составлен проект дороги, проходившей через все основные комбинаты западного побережья.

Вместе с рыбной и транспортной отраслями на Камчатке в 1930-е гг. получило развитие сельское хозяйство, призванное обеспечить рабочих предприятий и население продуктами питания. Основной молочно-овощной базой Камчатки стал организованный в 1933 г. Мильковский район. Научные работники мильковской опытной сельскохозяйственной станции провели исследования большой практической важности для камчатского земледелия. Ими были составлены агрометеорологические характеристики южных районов Камчатки, определены оптимальные агротехнические приемы, позволявшие выращивать картофель, капусту и другие овощи в условиях камчатского климата.

Большие работы в этот период были проведены на Камчатке двумя почвенно-ботаническими отрядами комплексной экспедиции СОПС АН СССР в 1935–1937 гг. под руководством В. Л. Ко-

марова. Результаты работ ее участников – геоботаника Л. Н. Тюлиной, топографа В. Д. Троицкого, лесоведа В. И. Коренева, геоботаника Е. Л. Любимовой, почвовед К. П. Богатырева и других исследователей позволили достаточно полно охарактеризовать почвы и растительность западного побережья Камчатки. Результаты ботанического изучения Камчатки были значительны. К началу Великой Отечественной войны в флористическом отношении полуостров являлся одной из наиболее изученных частей Дальнего Востока (26). А совхозы и колхозы, сельхозфермы рыбокомбинатов Камчатки смогли уже на 9 % покрыть потребности камчатцев в продовольствии.

В 1935 г. по инициативе академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга была организована Камчатская вулканологическая станция АН СССР, сотрудники которой начали изучение потухших, действующих вулканов и явлений, связанных с их деятельностью. Главным объектом изучения на начальном этапе работы Вулканологической станции были вулкан Шивелуч и вулканы Ключевской группы.

После определения рыбной промышленности приоритетным направлением деятельности АКО сотрудники КОТИРХа успешно продолжили ранее начатые работы. Основной и важнейшей хозяйственной задачей в деятельности КОТИРХа во втором пятилетии определялось комплексное изучение лососевых. Изучение камчатских лососей вели В. И. Грибанов, Е. М. Крохин, Ф. В. Крогиус, Р. С. Семко (10). Благодаря работам Г. У. Линдберга, П. А. Моисеева, К. И. Панина, И. А. Полутова появилось много данных о других видах рыб, их питании и миграции (20). Сотрудники КОТИРХа стремились выйти за рамки узко прикладных исследований: «Наша задача с одной стороны привлечь все выводы научной мысли и все завоевания техники к делу освоения Камчатки и обслуживания ее хозяйства, а в другом к тому, чтобы использовать весь собираемый нами материал и наблюдения для методологического углубления и прогресса науки о морях, озерах, реках, т. е. способствовать развитию теоретической и прикладной океанографии» (11). Большую часть работ поддерживало и финансировало АКО. Так, например, на все рыболовческие исследования 1934 г. было затрачено 510 548 тыс. руб. Из которых на долю АКО пришлось 460 548 руб. т. е. более 90 %, и только 50 000 руб. были выделены ТИРХОМ (12).

Несмотря на то, что в этот период основные направления исследований определяла Академия наук СССР, АКО как основной хозяйственный субъект в регионе не устранялось из этого процесса. В 1936 г. АКО добилось от НКПП СССР организации комплексной экспедиции в своих ведомственных интересах. Основными задачами экспедиции были:

1. Подробное и сплошное обследование рыбного хозяйства и всех рыбообрабатывающих предприятий АКО.
2. Выбор конкретных пунктов для сооружения портов в Авачинской губе, Усть-Камчатском и Корфском заливах.
3. Изыскание трассы сухопутной дороги вдоль западного берега полуострова.
4. Изыскание ископаемых стройматериалов на западном берегу» (13).

Организация столь масштабной экспедиции, по мнению автора, определялась несколькими причинами: стремлением руководства АКО обратить внимание Наркомата на необходимость технической реконструкции предприятий рыбной промышленности АКО, получить от государства помощь в проектировании крупных объектов транспортного комплекса, вывести предприятия Общества из хронического «прорыва».

Экспедиционная работа на Камчатке проводилась с июля 1936 по январь 1937 г. Пять изыскательских и шесть обследовательских отрядов в составе до 100 человек инженерно-технических работников и до 200 рабочих побывали на всех комбинатах АКО. Большая часть отрядов работала на комбинатах в момент путины, что позволило наблюдать весь производственный процесс, по всем его стадиям. Обработка собранных материалов производилась в Москве в течение 1937 г. и частично в 1938 г. По каждому комбинату была составлена записка, содержащая подробное описание хозяйства, выводы и предложения по будущему развитию (14).

Так как обработка материалов шла в период начавшихся репрессий, то в итоговом отчете, составленном позже – в 1938 г. основной причиной кризисного положения АКО была названа вредительская деятельность бывшего руководства – «банды Адамовича» (15). Оставляя в стороне политическую заданность подобных комментариев, необходимо отметить, что в целом проведение подобной обследовательской экспедиции дало положительный результат. В 1938–1941 гг. была начата техническая реконструкция рыбокомбинатов АКО.

Проведение академических исследований в регионе стало замедляться к концу 1930-х гг., когда в среде дальневосточной научной интеллигенции начались новые аресты. С середины 1937

по осень 1938 г. на Дальнем Востоке органы НКВД репрессировали около сотни научных сотрудников и преподавателей вузов (17). На Камчатке были арестованы и проходили по следственным производством сотрудники КОТИРХА В. И. Грибанов, И. А. Полотов. Ихтиологам вменялось в вину «протаскивание в научных работах вредительской теории о четных и нечетных годах в подходах лососевых». Потери квалифицированных кадров были невосполнимы. По причине жестоких репрессий пострадали многие научные направления, и в 1939 г. Дальневосточный филиал Академии наук СССР был закрыт с фальшивой формулировкой: «...ввиду сложной международной обстановки» (17, с. 11). Ценные коллекции и научное оборудование были увезены в центральные учреждения Академии Наук. В 1939 г. был закрыт Дальневосточный государственный университет. Есть основания считать, что это было сделано в связи с отсутствием их кадрового обеспечения. И лишь через четыре года вновь принимается решение о создании в Приморье Дальневосточной базы Академии наук СССР. Однако ДВФАН будет восстановлен только в 1949 г.

Подводя итоги научно-экспедиционной деятельности за десятилетие, следует отметить, что составной частью процесса промышленного освоения являлось широкомасштабное изучение края, которое можно рассматривать как одно из направлений государственной политики хозяйственного развития региона.

Реализация освоенческих задач в 1927–1933 гг. превратила АКО в своеобразный производственно-научный комплекс, в котором науке отводилась значительная роль. В этот период АКО развернуло научные работы более чем по 10 направлениям. Проводимые исследования имели как прикладной, так и фундаментальный характер.

В ходе геологических разведок на Камчатке в 1928–1932 гг. месторождений россыпного золота, подобных колымским, обнаружено не было. Выявленные на западном и восточном побережьях угольные и нефтяные зоны имели местное промышленное значение. Поэтому в этих условиях основной упор был сделан на эксплуатацию рыбных богатств края, которые определили экономическую специализацию Камчатки.

Работа почвенно-геоботанических и лесных отрядов позволила научно обосновать и определить возможности развития на полуострове сельского хозяйства и лесной промышленности. Стационарные систематические ихтиологические исследования выявили наиболее важные промысловые районы на побережьях Камчатки, определили условия промышленной добычи лососевых и нелососевых пород рыб.

На втором этапе Академия наук продолжила работу по ранее заданным АКО направлениям исследования. Комплексные экспедиции внесли значительный вклад в изучение производительных сил и природных ресурсов Камчатки, разработку научных основ подхода к хозяйственному освоению Северо-Востока, определили перспективы дальнейших исследований.

1. Бареткина Н. Н. Становление и развитие академической науки на Дальнем Востоке СССР в 1932–1975 гг. : Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1975. С. 40–41.

2. Васильева Е. В. Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы : матер. первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 109.

3. ГАКК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 481 (а). Л. 6.

4. Там же. Д. 295. Л. 20.

5. Там же. Д. 505. Л. 40.

6. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 101. Л. 12.

7. Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

8. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

9. Там же. Д. 159. Л. 1–256.

10. Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–76; Оп. 3. Д. 57. Л. 1–220.

11. Там же. Д. 4. Л. 17.

12. Там же. Л. 15.

13. Там же. Ф. 541. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

14. Там же. Д. 1–41.

15. Там же. Д. 1. Л. 6.

16. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 65. Л. 97.

17. Деревяшко А. П. Академическая наука на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 10.

18. [Заметка] // Камчатская правда. 1932. 20 окт.

19. Комаров В. Л. Флора полуострова Камчатки. Т. 1–3. Л., 1927–1930.

20. Линдберг Г. У. О нахождении иваси и анчоуса на Камчатке // Природа. 1935. № 5. С. 47–48; Моисеев П. А. Камчатская камбала и ее использование // Рыбное хозяйство. 1940. № 3. С. 8–9; Полотов И. А. Миграция трески в Авачинском заливе в период промыслового сезона // Вести ДВ филиала АН СССР. 1937. № 7. С. 95–105.

21. Намжилова Г. Б. История одного экслибриса // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки / под ред. С. В. Гаврилова. Вып. 6. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 122–133.

22. Нешатаева В. Ю. Материалы к истории ботанических исследований на Камчатке // Камчатка: события, люди : матер. XXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 162–173.

23. Родословия Огородниковых, Горлиных и Бурштейнов // Историческое Отечество. М., 2005. С. 55–95.

24. Рабинович Е. И. Обзор развития организационной структуры науки в СССР // Основные принципы и общие проблемы управления наукой. М., 1973. С. 79.

25. СЗ СССР. 1928. № 54. Ст. 485.

26. Сырьевые ресурсы Камчатской области. М., 1961. С. 145.

Б. Ильченко АВГУСТ 1945-го, ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЕ

Часть 1. Курильская десантная операция

Воюй не числом, а умением.

А. В. Суворов

Писать о событиях семидесятилетней давности и претендовать на объективность очень не просто. Тем не менее, о прошедшей войне продолжают говорить и спорить, ставят новые фильмы и телепередачи.

С открытием ранее засекреченных архивов и доступностью информации в Интернете техническая сторона вопроса, казалось бы, решена – собирай факты, систематизируй, анализируй и публикуй. Но будут ли эти публикации правдиво отражать эмоции и переживания участников тех событий?

С уходом поколения ветеранов нам остается только полагаться на факты и дополнять их собственным воображением. Таким образом, в одних и тех же событиях каждый увидит что-то свое, и это будет по-своему правдиво. Лично мне сильно повезло – однажды, лет за 5 до смерти моего деда, я «разговорил» его на тему войны и его участия в Курильской десантной операции (КДО). Услышанное сильно отличалось от написанного в учебнике истории советского образца, поэтому в большой степени мое нынешнее восприятие фактов проходит через призму того рассказа.

Официальный рапорт о КДО легко находится в Сети. Сравниваю его с рассказом деда, сопоставляю факты, и мне кажется, что операция планировалась весьма поспешно, сильно полагаясь на «авось». Я не военный человек, но посудите сами: «К началу операции у командования КОР точных, проверенных данных о противнике не было. Проведенная авиационная разведка островов Шумшу и Парамушир из-за плохой видимости положительных результатов не дала» (1). Запросить разведанные у союзников-американцев, вероятно, сочли лишним, хотя те бомбили Курилы с 1943 г., а качество их аэрофотосъемки впечатляет даже сегодня (мнение автора, не совпадающее с мнением редколлегии. – *Ред.*).

Передовой отряд десантников под командованием майора Шутова высадился на берег в 4:30 утра 18 августа под прикрытием тумана «в тщательно соблюдаемой тишине» (1). Однако вместо закрепления плацдарма для высадки основных частей они, «не встречая особого сопротивления» (1) (японцы спали в землянках), ушли на 2 км в глубь острова, где понесли жестокие потери во время японского контрнаступления в 11.00. Этот же отряд обстрелял группу японских парламентариев под белым флагом, которые были посланы навстречу десанту в первый же час атаки. Японцы вынуждены были убраться восвояси и продолжать оборону (5).

К 6 утра советские корабли и десант уже находились под сильным перекрестным артиллерийским огнем японцев. С обоих флангов, с м. Кокутан-Саки и Котомари-Саки стреляли стационарные батареи. В лоб били японские пушки, установленные на севшем незадолго до этого на мель советском транспорте «Мариуполь».